

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ТОЛКОВАНИЯ ТЕРМИНА "ОВРАГ"

"... не означать что-то одно – значит ничего не означать; если же слова ничего (определенного) не означают, то конец всякому рассуждению за и против ... ибо невозможно что-либо мыслить, если не мыслят что-то одно, а если мыслить что-то одно возможно, то для него можно будет подобрать одно имя"

Аристотель

Одним из наиболее часто используемых терминов, обозначающих современную эрозионную форму рельефа, безусловно, является "овраг". Его можно встретить в геолого-географической, почвоведческой и другой естественно-научной и специальной литературе. Очень часто слово "овраг" присутствует в названиях урочищ, выделенных на крупномасштабных картах в наиболее освоенных и обжитых частях регионов России. Оно широко применяется в бытовой речи практически на всей территории бывшего СССР – от полярных пустынь на севере до субтропиков на юге.

Столь необычная популярность данного термина (слова) заставляет более внимательно взглянуть на его содержательное значение, которое, как показывает практика, часто находится под влиянием или узконаучных, или, напротив, чисто народных (диалектологических) восприятий этого природного объекта. Объясняется это, по-видимому, тем, что в конце двадцатого столетия информационный межнаучный и межъязыковой никем (и ничем) не регулируемый обмен достиг такого уровня, при котором многие слова начинают жить самостоятельной жизнью, изменив за считанные годы свой первоначальный смысл путем поглощения близких, но не тождественных им предметов или явлений. Процесс упрощения языка, который многие языковеды считают неизбежным, в последние годы коснулся не только общеупотребительных слов, но и многих специальных терминов, несущих в себе значения, порой не совпадающие с их бытовым аналогом. Такой вывод напрашивается и после сравнительного анализа современных представлений об оврагах и некоторых других формах верхних звеньев эрозионной сети.

Один из наиболее полных трудов по истории эрозиоведения в России – двухтомная монография С.С. Соболева [1]. В ней полно и подробно представлены документальные сведения о проявлениях эрозионных процессов сначала на территории Древней Руси, а затем Российского государства. Приведем некоторые сведения из монографии С.С. Соболева [1, с. 9]. Вот как описывается образование оврага в г. Торжке в летописи под 1300 г.: "... того же лета, с весны, ветры сильные быша, и дождеве, и громове; в Торжку туча на одном часу ров учинило, и хоромов несколько снесло до основания..." (Лаврентьевский список. С. 461, год 6808). Новгородская четвертая летопись так описывает в 1372 г. овраг у г. Лубудьска: "... и стаха противу себе обе рати, Московския и Литовьския вьоружася, а промежь ими бысть враг крут и глубоок зело и не лзе бяше полкома толь борзо снятися на бои и бяше им враг тьи в спасение. И тако стояше несколько дни ... и вьзя мир Олгерд с князем Дмитрием (Донским. – С.С.) и поидоша в свояси..."

Из этих описаний читатель, имеющий определенные знания о палеоландшафтной обстановке начала второго тысячелетия на территории Руси (леса с небольшими по площади участками поселений и возделываемых полей), может без особого труда выделить основные признаки эрозионных форм, по которым современники отнесли их

к оврагам ("врагам", "вражкам"): образование оврагов является следствием деятельности временных водотоков (талые и ливневые воды); развиваются они лишь на участках свободных от лесной и другой естественной растительности, в том числе вдоль дорог.

Значительно более частое упоминание оврагов или их отвершков дается в "Писцовых книгах" XVI в. Овраги (обычно уже заросшие) упоминаются как "уже не пашенные" земли, располагавшиеся в непосредственной близости от пашни и поэтому с большой долей вероятности являвшиеся результатом размывов самого ближайшего времени. Из этих сведений видно, что в древней лесной Руси уже знали, что такое овраг и активно и однозначно пользовались этим термином.

Толчком к повышению интереса к эрозии вообще, и к овражной в частности, послужила усиленная распашка земель центральных нечерноземных областей России, что вылилось в результате отмены Петром I земельных налогов и введения крепостного права. В работах М.В. Ломоносова и наблюдениях естествоиспытателей-академиков екатерининской эпохи оврагообразование рассматривалось строго в связи с антропогенной деятельностью человека (сеяние хлебов, прокладка дорог, устройство населенных пунктов). Показательно в этом отношении определение оврага, данное И. Киприяновым в 1857 г. в "Журнале Главного управления путей сообщения". В нем учитываются практически все первичные признаки оврагов: "Овраги образуются везде там, где на равнине постоянно скапливается вода на одном и том же месте, близ края оката, по которому вода стекает в речку или ручей ... по естественным ложбинам или по прорытым канавам и даже по борозде плуга или выбитой дорожке". Видно, что главным родовым признаком оврага признается его антропогенная обусловленность, поскольку в условиях лесных (гумидных умеренных) ландшафтов временные скопления текущей воды могут наблюдаться лишь в результате прямого или косвенного воздействия человека на водосборы верхних звеньев гидрографической сети.

Следующим толчком к повышению интереса отдельных ученых, научных обществ, практических деятелей, земств к изучению овражной эрозии послужило бурное развитие этого процесса после реформ 1861 г. Начинают изучаться факторы оврагообразования. Публикуют свои труды В.В. Докучаев (1877, 1878, и др.), В.П. Амалицкий (1885), П.А. Костычев (1886), И.Ф. Леваковский (1890), С.Н. Никитин (1895), А.П. Павлов (1898), А.С. Козменко (1913) и др. Создаются первые классификации оврагов. Подчеркивается морфологическое и морфометрическое разнообразие овражных форм при условии непрямого (прямого или косвенного) участия человека в их образовании. Географические по сути работы в это время отличаются глубокими геологическими проработками и обобщениями. Так, Ф.Ю. Левинсон-Лессинг [2], обследовавший Васильсурский уезд, подробно изучил вопрос о значении геологического фактора в формировании оврагов: "Что касается формы оврага, то можно лишь сказать, что крутизна его стенок является функцией литологического характера и состава слагающих его пород. Юрские овраги отличаются от пестро-рухляковых незначительной глубиной. Овраги в пестрых рухляках в свою очередь также довольно разнообразны. Там, где обнажаются твердые породы, – песчаники, конгломераты, – овраги обыкновенно узки и глубоки и отличаются крутизной стенок, спускающихся иногда почти перпендикулярно...; среди песков или вообще сыпучих пород наклон стенок обусловлен углом осыпания песка; стенки пестрых мергелей вообще не очень круты и благодаря чередованию в них твердых и мягких слоев часто являются ступенчатыми; наконец, если овраг пролегает среди смешанных пород, то и характер его стенок является смешанным; они то пологи, то перпендикулярны, причем из-под песков часто террасовидно нависают громадные глыбы песчаника или конгломерата" [с. 106].

Последовавшие вслед за реформой 1861 г. изменения в эрозионной подверженности почв, как известно, были связаны, во-первых, с более интенсивным использованием пашни в лесной и лесостепной зонах, во-вторых, с распашкой "неудобных земель" (склонов, песков) и, в-третьих, – с превращением черноземных губерний в житницу

России. Переселение земледельческого населения на более засушливый юг превратило этот край из еще недавно считавшегося животноводческим в наиболее подверженный антропогенному воздействию регион.

В качестве единого подхода к пониманию природы образования российских оврагов, распространенного среди ученых-естественников второй половины XIX – начала XX в., следует привести слова историка В. Ключевского: "... в черноземных и песчаных местах России есть два явления, которые, будучи вполне или отчасти продуктами культуры, точнее говоря, человеческой непредусмотрительности, стали как бы географическими особенностями нашей страны, постоянными физическими ее бедствиями: это овраги и летучие пески" [3, с. 58].

Вскоре после Октябрьской революции интерес к оврагам со стороны эрозиоведов значительно возрос. Отчасти это было связано с объективными причинами (огромный ущерб, приносимый овражной эрозией земельным ресурсам и экономике страны в целом), а также и субъективными (резкое увеличение количества различных опытных станций, опорных пунктов, научно-исследовательских институтов, в тематику которых были включены вопросы изучения эрозии и борьбы с ней. Многочисленные учреждения различной ведомственной принадлежности, а также многие высшие учебные заведения включились в непрерывный, продолжавшийся до настоящего времени процесс изучения оврагообразования, часто дублируя друг друга, и в то же время, в силу своей узкопрофильности интересов, практически "не пересекаясь" на стадии внедрения.

Следует отметить, что определенный вклад в процесс разынтеграции эрозиоведения, еще фактически даже не сформировавшегося в единое научное направление, внесла и сама география. Усиливавшаяся с каждым последующим послевоенным десятилетием ее дифференциация в совокупности с уже упомянутым выше фактором узковедомственности интересов различных организаций, имеющих хоть какое-то отношение к последствиям оврагообразования, породили феномен "непобедимости оврагов". Несмотря на то, что вопросами изучения оврагов и борьбы с ними до начала 90-х гг. занимались десятки тысяч научных исследователей и работников различных производств, до самого последнего времени во "введениях" к многочисленным монографиям, диссертациям и отчетам присутствовало положение о ежегодном изъятии из хозяйственного оборота областей (регионов, республик, государств) десятков (сотен, тысяч) гектаров плодородных земель в результате овражной деятельности. По словам Н.И. Маккавеева [4], количество литературы, посвященной только разновидностям временных водотоков, "почти необозримо". И сказано это было более 40 лет назад, задолго до того эрозиоведческого бума, который прошел в 70–80-х гг. текущего столетия.

Принадлежность к различным научным направлениям, школам и ведомствам вызвала у авторов многочисленных учебников, словарей, энциклопедий и других изданий, в которых затрагиваются вопросы оврагообразования, интерес к формулировкам собственных определений уже используемых в практике терминов. Д.А. Тимофеев [5] и В.К. Штырова [6] приводят соответственно 19 и 11 примеров определений оврага, опубликованных различными авторами. Кроме двух случаев все они принадлежат изданиям, выпущенным в период с 1933 г. по 1980 г.

Что же понимается сейчас под термином "овраг" (о его применении в быту особый разговор)?

Наиболее часто овраг определяется как "рытвина". Затем по частоте встречаемости следуют "долина", "промоина", "эрозионное образование", "впадина". Следующим пунктом определения обычно дается ее (его) морфологическая и морфометрическая характеристика. Примечательно, что лишь в одном случае отмечается причинно-следственная связь развития эрозионного образования с антропогенными факторами: "... овраги являются результатом сочетания деятельности человека и эрозионной работы воды и представляют собой современные образования. Овраги широко распространены в лесостепных и степных зонах Европейской части СССР. Их образованию способствуют отсутствие лесной растительности, распашка склонов" [7].

В результате такого подхода к пониманию сущности оврага оказались преданными забвению его основные родовые признаки, а именно, овраг – это отрицательная форма рельефа, образовавшаяся в результате воздействия линейной эрозии на почво-грунты с антропогенно-обусловленной пониженной сопротивляемостью к размыву антропогенно-обусловленными временными водотоками.

Результаты "просветительской" работы, в которой на первое место при идентификации эрозионных форм ставилось не содержание (генезис, причины и условия образования), а лишь форма, отразились и на большинстве исследователей эрозионных процессов и эрозионных форм рельефа. Под определение "овраг" все чаще стали попадать любые формы, морфологически напоминающие его в любой природной зоне и высотном поясе Земли. Произошло почти полное поглощение используемым в быту (часто необоснованно) словом "овраг" термина с аналогичным названием. "Овраг" во многих случаях применялся как синоним балки, лога, речной долинки, хотя большая часть "климатических" геоморфологов и продолжала считать их совершенно различными по генезису и возрасту эрозионными образованиями. Так, например, обычным стало использование термина "овраг" для обозначения чисто природных размывов, которые широко встречаются в полупустынных и пустынных ландшафтах во всех частях света. Кроме того, что эти формы имеют свои местные названия (в Азии – сая, хабцилы, Австралии – крики, Америке – арройо, Африке – вади, омурабмы и т.д.), эти эрозионные формы обладают и самым главным отличием от "наших" оврагов, которое заключается в наличии у них естественной (природной) модели образования. Значительно более высокая по сравнению с гумидной умеренной зоной аномальность климата, выражающаяся не только в характере выпадения осадков, но и в температурном режиме, предопределила здесь на участках с практически полным отсутствием растительности (или кратковременным периодом ее существования) широкое развитие эрозионной сети именно в результате природно-обусловленной деятельности временных водотоков. По заключению Б.Ф. Косова [8], для образования коротких глубоких рытвин (десятки – редко сотни метров), прорезающих чинки Средней Азии и называемых им оврагами, понадобились тысячелетия.

Нет никаких оснований и для отнесения к собственно оврагам оврагоподобных форм, достаточно широко распространенных на территориях с вечномерзлыми грунтами тундра, лесотундра). Здесь решающую роль в их подобной моделировке играют далеко не эрозионные процессы. Ведущее место среди них принадлежит неравномерному таянию льда ("ледяных клинзев"), пучению, солифлюкции, оплыванию (оплазанию) по русловому типу. Полемизуя по этому вопросу с Б.Ф. Косовым и Г.С. Константиновой [9], В.И. Мозжерин [10] справедливо замечает, что ими "... за эрозионные образования принимаются формы, связанные с вытаиванием жильных льдов и образованием байджерахов – явлениями, весьма широко развитыми на многих аккумулятивных равнинах тундры. Несомненно, что эрозия принимает определенное участие в окончательном оформлении этих форм, но вряд ли их можно назвать собственно овражными. В морфологическом отношении они имеют крутопадающее плоское широкое, несоразмерное с мощностью потока, днище ... и поэтому их правомочнее рассматривать как формы термокарста" [С. 100–101].

Тем не менее, образование собственно оврагов в аридной и гляциальной зонах также возможно. Эрозионные размывы, как и в гумидной умеренной зоне, могут здесь появляться в результате антропогенных изменений, связанных с прокладкой временных или постоянных дорог, перевыпасом скота, переуплотнением грунта в местах населенных пунктов и даже с не характерным для этих регионов развитием земледелия.

Реально представляя возможное неприятие нашего подхода некоторыми эрозиоведами к смысловому содержанию термина "овраг", ограничивающим его использование исключительно лишь рамками эрозионных форм антропогенного происхождения, рассмотрим эту проблему с учетом палеогеографических (палеогеоморфологических) факторов современного морфогенеза гумидной умеренной зоны.

Прежде всего следует подчеркнуть, что нами не ставится вопрос о наличии или

отсутствии эрозии в пределах естественных ландшафтов вообще, так как существует немало фактов, говорящих о ее проявлениях на склонах практически вне зависимости от густоты растительного покрова и мощности дернового покрова. Однако скорость перемещения минерального вещества обычно столь ничтожна, что не превышает скорости (интенсивности) почвообразования. Такая эрозия при всех реально возможных современных климатических аномалиях не может привести к кардинальной перестройке верхних звеньев гидросети и рельефа в целом. Объяснением этого может служить отсутствие каких-либо противоречий между современными гидроклиматическими условиями, почвенно-растительным покровом и всей гидрографической обстановкой, сформировавшейся в периоды, когда общая увлажненность и экстремальность (интенсивность) осадков были значительно выше. Другими словами, суходольная гидросеть рассчитана на пропуск значительно больших, по сравнению с современными условиями, объемов поверхностного стока без ее эрозионной трансформации, как за счет расширения густоты русел, так и за счет ее переуглубления.

Проявление же ускоренной (современной, антропогенной, почвенной) эрозии в отличие от рассмотренной выше нормальной (геологической, естественной) характеризуется развитием новых форм в верхних звеньях гидросети. Приращение ее длины происходит в результате преодоления сложившегося равновесия (порога), во-первых, между впитывающей способностью почвенно-дернового слоя и количеством осадков, и, во-вторых, между "живой силой" временно существующих водных потоков и противоэрозионной устойчивостью почво-грунтов. Причиной столь кардинального изменения хода всех процессов в уже сбалансированной на данный момент природной системе является появление временных водотоков, не вписывающихся по своим параметрам в "допороговые" возможности и особенности первичной гидросети (пропускающей способности, противоэрозионной устойчивости, уклонов и т.д.). Таким образом, можно заключить, что развитие оврагов провоцируется исключительно деятельностью человека, в результате которой происходит перераспределение поверхностного стока, и, как следствие, его резкое увеличение в отдельных звеньях с последующим образованием размывов.

Как показывает анализ работ (особенно за последние 1,5–2 десятилетия), посвященных овражной эрозии, постепенное смещение центра тяжести при опознавании овражных форм от генетических признаков к чисто морфологическим, привело к признанию довольно значительной частью отечественных эрозиоведов двух основных групп оврагов – естественных и антропогенных. В целом ряде работ выявление принадлежности оврагов в том или ином регионе к той или иной группе оврагов возводилось даже в ранг одной из задач исследования.

Приведенные выше взгляды на особенности развития оврагов и некоторых других форм, таким образом, не оставляют места в системе оврагообразования для т.н. естественных оврагов, поскольку это противоречит основным признакам оврага, о которых упоминалось выше. Что касается примеров их существования на севере лесной зоны на подмываемых берегах крупных сибирских рек [8], то это как раз тот случай, когда на идентификацию данных образований рельефа как оврагов повлияла их "форма", но не "содержание". При ближайшем более внимательном изучении этих врезов и условий, в которых они формировались, становится очевидно, что с оврагами они имеют лишь внешнее сходство. Сформировавшиеся, как и большая часть суходольной гидросети в плейстоцене и начале голоцена, эти образования сегодня выглядят как короткие крутосклонные лога с крутым продольным профилем. По словам самого же автора выделения "естественных оврагов": "Вершины таких оврагов не обнаруживают признаков интенсивного роста ... на залесенных крутых откосах при интенсивной подрезке устьевых частей оврагов речными потоками, вызывающей глубинное врезание в устье оврагов, происходит интенсивное оползание дернины вместе с лесом. В результате склоны обнажаются и овраги приобретают вид постоянно растущих эрозионных форм" [С. 106].

Особого внимания заслуживает и обсуждение проблемы о правомерности упот-

ребления термина "овраг" для обозначения эрозионных форм, образовавшихся в горах. Это становится тем более важным и необходимым в связи с имеющими место не всегда корректными терминологическими взаимосвязками названий эрозионных размывов в отечественной и зарубежной геоморфологической литературе. Продолжительный опыт изучения западноевропейскими географами горных территорий и основательные проработки в этом вопросе, по-видимому, отчасти дезориентировали наших геоморфологов и эрозиоведов в смысловом соответствии применяемых западноевропейцами и североамериканцами специальных терминов эрозионных форм рельефа применительно к нашим условиям. Так, в словаре И.С. Щукина [11] указано, что овраг в английском языке имеет три написания (gulch, gully, ravine). В обратном же переводе с английского на русский язык [12] эти слова уже имеют следующее значение: gulch – овраг, балка, расселина, ущелье; gully – промоина, рывтина, форма меньше чем ravine (овраг); ravine – теснина, узкое глубокое ущелье.

Как видно из сравнения прямого и обратного переводов, получаемого нами из специальной географической справочной литературы, у читателя, более или менее ориентирующегося в эрозионных процессах, обязательно возникнет ряд вопросов, например, относительно правомерности использования одного английского "gulch" для обозначения оврага (!?), балки (!?), ущелья (!?), хотя преобладают случаи написания термина "овраг" через английское "gully". По-видимому, такая многовариантность использования прямого и обратного переводов специальных терминов в совокупности с уже упоминавшейся выше тенденцией к идентификации эрозионных образований только через внешние признаки привели к тому, что в большинстве зарубежных работ (главным образом англоязычных авторов) типичные горные размывы, которые в свое время французские геоморфологи Э. Мартонн [13] и А. Сюрелль [14] довольно удачно называли каналами стока (canal d'éculement), обычно переводятся на русский язык как овраги. Наглядным тому подтверждением служат пояснения к аэроснимку, на котором запечатлен фрагмент Баффиновой Земли (приполярная Канада), в монографии "Неспokoйный ландшафт" [15]. Здесь овражными формами названы типичные естественные эрозионные врезы, характерные для всех средне- и высокогорных ландшафтов, соседствующие к тому же с ледниковыми трогами, ледниками, островерхними вершинами и другими контрастными альпийскими формами рельефа.

Терминологическая неразбериха в названиях эрозионных форм горных поясов естественно проявилась и в работах советских эрозиоведов и геоморфологов. Особенно много таких примеров можно обнаружить в кандидатских диссертациях, представленных в 60–80-х гг. соискателями из республик Северного Кавказа и Средней Азии.

Примером противоположного подхода к проблеме заполнения "терминологического вакуума" геоморфологической номенклатуры для горных территорий является работа Л.Ф. Литвина [16]. Автор выделил особый вид коротких горных долин, морфология и генезис которых, а также взаимоотношения с процессами выветривания и денудации настолько специфичны, что позволяют отнести их к особому виду эрозионных форм – горным оврагам. К сожалению, отсутствие какой-либо общепринятой систематики суходольной сети не способствовало закреплению этого термина в эрозиоведческой литературе. Что касается большей части эрозионных форм, располагающихся несколько ниже – в среднегорьях и низкогорьях (предгорьях), то их без особых натяжек можно идентифицировать как обычные овраги, поскольку, так же как и аналогичные равнинные размывы, они образуются в результате возникновения антропогенных изменений в компонентах ландшафта при перегрузке горных пастбищ, сопровождающейся уничтожением растительно-дернового покрова, переуплотнением почв, ростом трав и т.д.

Таким образом, с учетом всех вышеперечисленных фактов о положении современной эрозиоведческой терминологии и, в частности, раздела, охватывающего формы рельефа, образованные временными водотоками, налицо их затянувшийся содержательно-смысловой кризис. С целью его хотя бы частичного преодоления нами предлагается классификация размывов временных водотоков (схема).

Классификационная схема размывов временных водотоков

Поскольку речь идет о разработке общенаучной системы размывов земной поверхности временных водотоков и объяснении местонахождения в ней оврагов, которые не должны страдать узостью и эмпиризмом, присущим региональным схемам для небольших территорий, нами была сделана попытка систематизировать эрозионные формы, встречающиеся во всех природных зонах Земли [5].

В качестве высшей таксономической ступени классификации предлагается считать отдел. Основной критерий для разделения размывов временных водотоков (далее для краткости "размывов") на отделы является их отношение к деятельности человека – являются ли они "продуктами" прямого или косвенного его воздействия на природные ландшафты или нет. В результате размывы дифференцируются на две большие группы – природные и антропогенные, то есть образовавшиеся без участия и с участием человека. На следующей таксономической ступени в классификацию вводится гипсометрический (геоморфологический) фактор, который служит критерием выделения классов размывов, отражающий их индивидуальные морфологические и морфометрические особенности в зависимости от крутизны, протяженности и формы склонов, а также частично и от литологического состава пород. Выделяются два класса – равнинные и горные размывы.

На нижней ступени классификации в качестве определяющего критерия выступает комплекс признаков, позволяющий надежно идентифицировать эрозионные формы, как современные. Для этого во внимание принимается степень обнаженности вмещающих их пород, характер и полнота растительного покрова на бортах данных образований, соотношение их крутизны с углами естественного откоса рыхлых отложений, наличие следов водных потоков и аккумуляции и т.д. Учет этих критериев дает основания для выделения в конечном счете классификационных единиц наиболее дробного таксономического уровня – типов размывов. В конце антропогенного ряда размывов стоит овраг. Ограниченность числа типов эрозионных форм антропогенного ряда, по-видимому, можно объяснить естественной лимитированностью природных условий, пригодных для активного хозяйственного использования. Имеющийся в арсенале эрозиоведов набор родовых признаков оврага позволяет включать в этот тип размывов и образования, порой, заметно различающиеся между собой как по форме, так и по размерам. Речь идет о включении в тип размыва "овраги" эрозионные формы соответствующие этим признакам, но образующиеся в экстремальных условиях тропической зоны и имеющие свои местные названия. Вполне вероятно, что при получении

более подробной информации и систематизации знаний о временных водотоках по всей Земле таксономический ряд классификации может быть продолжен и до видов.

Таким образом, в связи с необходимостью упорядочения применения термина "овраг" и придания ему смыслового содержания, исключающего смешение с другими эрозионными формами рельефа (балками, лощинами, логами, речными долинами и др.), предлагается использовать его лишь для обозначения размывов, образовавшихся в результате деятельности антропогенных факторов. Таковыми являются искусственные изменения нано- и микрорельефа, приводящие к перераспределению поверхностного стока, и(или) ослаблению противоэрозионной устойчивости почвогрунтов (сведение естественной растительности, распашка, организация контурного земледелия, прокладка дорог и т.д.). Предметом особого внимания и осторожности в использовании термина со стороны эрозиоведов (геоморфологов, землеустроителей, агрономов, гидротехников и др.) должно быть его применение для обозначения древних эрозионных форм, имеющих в собственном названии слово "овраг", поскольку неправильный бытовой (диалектологический) подход в его использовании может не только дезориентировать специалистов-практиков, но и привести к совершенно неадекватным проектам по проведению противоэрозионных мероприятий, поискам подземных вод, организации строительства и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Соболев С.С.* Развитие эрозионных процессов на территории Европейской части СССР и борьба с ними. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 1. 307 с.
2. *Левинсон-Лессинг Ф.Ю.* Васильсурский уезд // Мат. к оценке Нижегородской губернии. Вып. IX. СПб., 1885. 299 с.
3. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 572 с.
4. *Маккавеев Н.И.* Русло реки и эрозия в ее бассейне. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 348 с.
5. *Тимофеев Д.А.* Терминология флювиальной геоморфологии. М.: Наука, 1981. 267 с.
6. *Штырова В.К.* Систематика основных форм рельефа суши. Флювиальные формы. Вып. 1. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 87 с.
7. Геологический словарь / Под ред. К.Н. Паффенгольца. М.: Недра, 1960. 449 с.
8. *Косов Б.Ф.* Антропогенные и естественные овраги // Эрозионные процессы. М.: Мысль, 1984. С. 105–115.
9. *Косов Б.Ф., Константинова Г.С.* Интенсивность роста оврагов в осваиваемых районах севера Западной Сибири // Вестн. МГУ. География, 1969. № 1. С. 46–51.
10. *Мозжерин В.И.* Перигляциальная зона // Климатическая геоморфология денудационных равнин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. С. 98–110.
11. Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 703 с.
12. Словарь общегеографических терминов. М.: Прогресс, 1975. Т. 1. 407 с.; 1976. Т. 11. 394 с.
13. *Мартонн Э.* Основы физической географии. М.: Учпедгиз, 1945. 556 с.
14. *Surell A.* Etudes sur les torrents de Hautes Alpes. Paris, 1841. Т. 1–11.
15. *Неспокойный ландшафт* / Под ред. Д. Брандена и Дж. Дорнкемпа. М.: Мир, 1981. 192 с.
16. *Литвин Л.Ф.* Овражная эрозия в горах // Эрозионные процессы. М.: Мысль, 1984. С. 124–126.

Пермский государственный университет
Географический факультет

Поступила в редакцию
15.II.96

THE PECULIARITIES OF CONTEMPORARY INTERPRETATION OF THE TERM "GULLY"

N.N. NAZAROV

S u m m a r y

Alterations of the term "gully" meaning from the 13-th century till nowadays are analysed. Some examples of changes of its content are given. In the result of these changes there is inconformity of russian and foreing names of erosional landforms. It puts an obstacles in translation from one language to another. Author suggests classification of landforms produced by ephemeral streams.